

Николай Заболотных

Путаны края

ПОЭМЫ

Новокузнецк
Издательство "Союз писателей"
2018

УДК 82-1
ББК 84 (2 Рос+Рус)
3-125

Заболотных Н.П.

3-125 Путаны края: поэмы. — Новокузнецк:
Издательство «Союз писателей», 2018. — 76 с.

ISBN: 978-5-00073-878-8

Три небольшие поэмы (размышления), рассказывающие о трёх разных судьбах плутающих в реальных и неведомых краях, похожих в своих стремлениях — найти счастье и разгадать истинный смысл земной жизни.

Деревенский паренёк шагает своими вехами по нашей необъятной стране: во время войны, послевоенный период, и доходит почти до нашего времени. В пути он переживает все трудности присущие каждому отрезку истории, и пытается разобраться, как сделать жизнь лучше.

Другой герой, отправился на поиски заветного местечка — начала судьбы. Непреклонно постановив раскрыть тайну её рождения, желая, научиться управлять ей для всеобщего счастья. И как ни странно, ему удаётся отыскать нереальную мечту, увидеть необычных создателей, и стать свидетелем чудесного явления. Попутно понять многое о нашей земной жизни.

Третья история повествует о нечаянном самоубийстве и что происходит с такими несчастными, случайно сошедшими с праведной дороги, совершившими смертельный грех. Что ждёт их по ту сторону? Какая судьба? Как нужно прожить, чтобы обрести истинное, вечное счастье? На эти непростые вопросы, пытается дать свой ответ завершающая история.

УДК 82-1
ББК 84 (2 Рос+Рус)

© Заболотных Н.П., текст, 2018
© Издательство «Союз писателей»,
оформление, 2018

ISBN: 978-5-00073-878-8

СОДЕРЖАНИЕ:

Валерины вехи	4
Нелёгкие узоры	32
Грешный разноцвет	55

Где, не знаю, это было, и когда произошло,
Мне неведомо доселе, и не важно — как пришло!
Суть, совсем в другом — поверь-ка! И, дослушав сам реши,
Быль ли, сказка, в самом деле, в монологе от души.

В общем, как-то раз, не нынче, пробирался средь глуши,
Добрый молодец Валера, парень славный из Руси.
Он шагал к родному дому, после службы боевой,
Получив награды, славу: за бесстрашье, ум живой.

Повидал немало в жизни, был и весел и угрюм,
Счастлив дружбой и обманут близким другом, точь врагом.
Красоту, уродство духа, торжество, паденья, грязь,
Довелось пощупать близко, оценить и не пропасть.

Впереди лесок и горка, а за ними дом родной,
Шепчутся с сосной берёзы — пахнет скошенной травой!
Защемило грудь Валеры, сердце бьёт как «пулемёт»,
Много лет вдали мотался, верил, счастье обретёт.

Опустился на пенёк он, вспомнил батю, дом и мать,
Братанов ещё незрелых, бабу Настю, речку, сад.
И соседку Варю милу, что косилась на него,
И румянилась при встрече, завлекая тем его.

Но закончились денёчки,
Жизни мирной, без забот,
Подошла пора в дорогу...
Ать на службу — топай в полк!
Зашумели рельсы, шпалы,
Паровоз «пыхтит углём»,
И везёт Валеру лихо —
Им, не хоженным путём.

Не видал он мир далёкий, и огромных городов,
Рос в деревне вовсе хилой — тридцать изб среди лесов.
Спозаранку, день трудился, и не грезил о дворцах,
О музеех, и театрах, магазинах в двух шагах.

Очутился в стольном граде, мысли скачут вразнобой,
Поспевая за глазами, только толикой малой.
Командир кричит: «Направо. Шагом-шагом, марш бегом»,
Привели его в казарму, дали место, с котелком.

А кругом такие ж дядьки, молодые с деревень,
Все растерянные дюже, с головами набекрень.
Капитан пришёл, построил, объясняет, что к чему:
«Вы на службе ноне стали, охранители всему.
Получите автоматы, научитесь в цель шмалять.
А потом забудь о мамке и айда вражин гонять!»

Пробежало время с пользой — наторел весьма малёк,
Уж стреляет — не промажет, марширует, руки гнёт.
Уважают все Валеру за смекалку, нрав простой.
Капитан уж примечает: удаль, боевой настрой!

Что ж...! И вот пришла минута,
Им отправиться на фронт,
Рисковать судьбой немилрой,
Гнать врага за горизонт.

А Валера, между прочим, в отделении старшой,
Раздаёт команды с толком, сам бежит вперёд — стой!

На войне совсем непросто,
Вы не верьте тем, кто врёт:
«Я легко и без боязни,
Укокошу целый полк!»
Пули «весело» ложатся,
Посвистев вокруг тебя,
Посмеются и отправят,
На отчитку, в зал Суда.

*В заварушках был Валера, вот, к примеру, их одна,
Что запомнилась звездой и ранением слегка.*

Прикрывали они с фланга, стратегический плацдарм,
Где готовились орудья, залпом вдарить по врагам.
Тихо день прошёл, а ночью...! Загрелом всё вокруг,
Их позиции украдкой обогнули, мощно жмут.
Не хватает сил, патронов, кровь повсюду..., смерть пришла,
Косит, радуясь раздору, многих быстро прибрала.

Отступить нельзя нисколько,
Дан приказ: «давай — держись...!»
Между слов понятна участь
Воинов наших... — мать смиришь!

Но Валера не из робких, голова всегда при нём,
Помирать погоду, отложим — покумекаем, рискнём!
Исхитрился парен бравый, превозмог в уме врага,
Применил манёвр успешный и ударил в тыл «сплеча».

Побежали вражьи силы, ощутив его «кулак»,
Засверкали «пятки ярко»,
смерть наморщилась — «будь так».

А Валера хоть и ранен, но доволен: «повезло!»,
И ребята в отделенье в большем живы — хорошо!

Генерал, тогда приехал, похвалил, прочёл указ:
«Наградить звездой героя! Лейтенантом быть тотчас!»
И теперь Валера тянет,
Лямку взводного уже,
Не кичится, понимает,
Обязательство вдвойне:
За судьбу солдат во взводе,
За умение в бою,
За отвагу их, спасенье,
В трудных буднях — всю войну.

Позади ещё немного, пыльных вёрст, в дыму, огне,
Погибает ротный вскоре, от осколка в голове.
На совете командирском, тут же пишется приказ:
«Принимай Валера роту, не смущайся — полный газ!»

Бьёт врагов за Русь нещадно, гонит прочь с родных лугов,
Заслужил почёт немалый, генералов и бойцов.
И рискует он безмерно, и не прячется в кустах,
Пули мимо пролетают, Бог потворствует в делах.

Орден висит немало, капитан уже вот-вот,
И обласкан он судьбою — сверху-донизу почёт!

Хороша дорога парня,
Только дальше — вот беда,
Приключилась с ним намеренно,
В страшном бое, у села.

Побежал в атаку ротный, за собой солдат ведя,
Под огнём не пригибался, громко звал, кричал: «ура!».
Вдруг взорвался недалече неприятельский фугас.
Болью резкой отозвавшись, во всём теле, сей же час.
Потемнел и закружился край родимый — меркнет взор,
Помутнел рассудок ясный, мир исчез... — «виват» минёр.

Сколько кануло минуток, без сознания, невдомёк,
Только слышит речь не нашу, говор грубый: «хэнде хох».
Потянулся к автомату, метя дать отпор врагам,
Но не слушаются руки, больно жутко — вновь «туман».

Лиходеи подхватили грубо за ноги его
Потащили за собою, в вражий стан, недалеко.

Так попал Валера, в лагерь,
К злыдням лютым — без души,
И «обласканный», свалился,
В яму горя, где власть тьмы.

Тяжело ему досталось, непокорным был «чертям»,
Земляков подбить стремился на побег к родным местам.
Били люто, не кормили, под расстрел водили раз,
Чудом что-то отменили, изменили свой приказ.

Жить, конечно же хотелось, но не верилось уже,
О конце страданий вечных, на «пирушке зла» в тюрьме.

И не раз мечтал о смерти, но не зря, а «пошуметь»,
Истребить отродье люда, сколь успеет — с тем «взлететь»!

Вот и край судьбы маячит,
Мысли к Богу норовят,
Исповедаться пред смертью,
О грехах — его молят.
Но! «Не время!», прозвучало,
Божье слово, словно гром:
«Не испил пока в достатке
Чашу жизни... — быть с венцом!»

Загремели взрывы громко, пламя вспыхнуло вокруг,
Партизаны из засады атакуют беса слуг.
Часовые скрылись «в норы», двери лагеря горят,
Путь открыт, беги скорее, пока злыдни не следят!

Побежал Валера борзо, словно крылья за спиной,
Только вроде был при смерти, разом парень удалой.
Подхватили его: вера о спасении своём,
И желанье быть полезным, милой Родине во всём.

Долго прятался лесами, голодал и мёрз, ползя
К землякам, родным по духу, веря, ждёт его страна.
Повидал страданий жутких, превозмог болезни мор,
Выполз чудом на дорожку, услышав славянский «хор».

Подобрали его люди, деревеньки небольшой,
Накормили, отогрели, полечили хворь травой.
Объяснили, что творится, где сейчас проходит фронт,
Показали путь короткий, среди лесов, за горизонт.

Вежа вторая (тюремная)

Веселей пошла дорога, и притопал наконец,
До поста передового слышит окрик: «стой малец!»

Привели Валеру к штабу, и велели ждать, пока,
Чтобы верно убедиться, не лазутчик ли врага.

Он же верит: «кончен точно,
Путь чернющий, баста с ним!
Впереди светлеет ясно,
Снова вольный гражданин!
Нет сомнений, я ведь дома,
И не сдался, выжил там,
Не предал Руси нисколько,
Берегись вражина — дам!».

Подошёл майор пузатый, вид холёный, глаз смурной:
«Побалакаем о жизни, ты откуда? Кто такой?
Все воюют, ты не с нами, нет ни ссадин, сам здоров,
Где скрывался год доселе? Обучался у врагов!?»

Говорит ему Валера, обстоятельно кто есть,
Излагает по порядку, без утайки весь процесс.

Головой качает — видно, не поверил гнёт своё:
«Не дурачься, не обманешь, ты не первое брехло.
«Расколю» тебя по полной, всё расскажешь, объяснишь,
Как ты родину оставил, где сейчас готовишь взрыв».

Он по новой излагает, говорит: «есть ордена,
Не проданся супостату, бить сильнее хочу врага!»

Завели его в каморку, посадили под замок,
Обещали: «трёп проверим, ты подумай сам часок».
В голове: «ну, я же русский! Кровь кипит, душа зовёт,
Отстоять свободу нашу, отомстить за всех сирот!»

День прошёл, приходит к ночи вновь майор тот и ворчит:
«Не нашли мы документы, вижу насквозь — ты бандит!
Не покончил, трус, с судьбою, на поклон врагам упал,
Когда пули засвистели, шкуру подлюю продал.
Стал лазутчиком, гадёныш — сладко спал и много жрал,
Отвечать сейчас придётся, мы докажем — коль попал!
Ордена твои пустые, побрякушки — так, понты,
Получил их для отмазки, если схватят здесь посты.
И в плену не загибался, жил в тепле, готовил план,
Как по гаже Русь запачкать, угодить её врагам».

Застучало гневно сердце, заискрил обидой мозг,
Не стерпел Валера, двинул, кулаком майору в нос.
Отлетел пузатик в угол, верещит: «конвой, конвой!»,
Кровью брызжется, слюною, расстрелять грозит «герой».

Прибежали, покрутили, помесили — будь здоров!
Гимнастёрку изорвали, рот оставив без зубов.

Больно вовсе не от трёпки,
Не от крови на губах,
На душе «свинец» запёкся,
Жжёт и давит — свет погас.
Рвёт изнанку, что есть силы,
Не даёт понять — как быть!?
Ведь, Она, в полёт стремилась...,
Ну, а, Ей, уняли прыть.

Всё в башке перемешалось, непонятно, кто есть свой,
Хоть и говор их доступный, только разум не такой.
И прошло совсем немного, а Валера уж в тюрьме,
За измену той Отчизне, без которой смерть душе!

Потускнел, переменялся, облик бравый, взор баской,
И не верится герою: «будто вовсе не со мной».

Год прошёл в тоске смертельной — ум смирился, горевал,
Не искал, как выжить дальше, в петлю голову отдал.
Но товарищи успели, отвели, бесспорно — Ад...,
Откачали, пожурили, дали жизненный расклад:
«Позабудь! Терпи! Не надо! Мы здесь все почти — зазря,
Дни проводим бесполезно — хоть способны на дела!
Не вредители Отчизне, любим свято, Бога чтим,
И тебе нелишне парень, пообщаться ближе с ним.
Просто так сложилось нынче, кто корыстен и хитёр,
Захватили власть и дурят наш народ, чинят раздор.
Подчинить себе стремятся, дух свободный запретить,
Воронки уже пристали русский люд в тюрьму возить.
Если ты не с ними вместе, правду любишь говорить,
Упекут, не сомневайся — не устанут зло творить!
«Диверсанты и бандиты» всех найдёшь вокруг себя,
Да и сам породы нашей — всё прошёл... , узнал сполна.
Но, мы верим в измененья, суть людей не укротишь,
Обязательно вернётся: добродетель, честность, мысль!»

Оживился чуть Валера, начал думать о делах
Надрываясь через силу, ношей каторжной в лесах.
Разговаривал о разном, научился рассуждать.
Благо не было проблемы, в тех, кто мог преподавать.
Постигал от них науки, с интересом и легко,
Образованным стал очень, мыслит верно, глубоко.

И узнал довольно много: про политику и власть,
Почему досталось лиха, отчего закон не всласть...
Слишком кануло денёчков,
Люда померло втройне,
Пошатнулось уж здоровье,
Счастья нет, лишь боль в душе.

Но Валера не сдаётся, изменить мечтает мир,
Рассказать про смысл открытый,
Дать на счастье ориентир!

А его мечта, как прежде, не тускнеет, вдаль зовёт!
Наставляет он о счастье, верит — слово оживёт!

Бросить бы, остановиться, да забыть не может он,
Тех безвинных, что в темнице, указали, в чём урон.
Ради всех, кто был оплёван по доносам — точно, зря,
Молодым он разясняет: честь и совесть, суть стыда.
Критикует власть имущих, полюбовные пиры,
Где плюются на законы, управители судьбы.
Прививает отношенья: чтить народ без должностей.
Призывает не поддаваться, «сладким пряникам чертей».

Эх...! Сценарий отработан...,
Не остались без следа,
Его речи своевольны,
Про «пирушки» без суда.

Порешали, те, кто выше, принесли вердикт простой:
«Он не с нами, значит лишний! Ты гони его долой!»

Закрутили, допросили: «как, зачем и почему?»
Для чего шумишь напрасно!? Пудришь мозги, ты к чему!?
Ты, наверное, готовишь на замену нам, себя,
Пожелал ты власти нашей, не получишь ни шиша!»

В пять минут лишили званий, отобрали ордена,
Про квартиру не забыли, ключ забрали навсегда.
Чудом видно получилось, в лагерь снова не попал,
«Сам живи, пока, — сказали, — если снова..., то в подвал».

По друзьям решил скитаться, опереться, попросить,
Коль сумел бы вновь подняться,
с милой кралей просто жить.

А приятели все «вышли» — позабыты клятвы их:
Не бросать и не кичиться, за друг дружку бить плохих.

Отворачивают лица, говорят: «не нужен ты.
Мы тебя ценили честно, но за звёздочки твои.
А теперь прощай, не помни, город злой — он не простит,
Подыхай в своей деревне, здесь отныне ты «убит»».

«Ладно, любушка не бросит, с ней, мы по миру пойдём,
Руки есть и Бог поможет..., тихо с честью заживём».

Опечаленный добрался, до зазнобушки своей:
«Приюти родная, знаю, нет души мене верней».

Непонятно, что случилось!? А жена ему в ответ:
«Муженёк, с ума ты сбрендил? У меня другой сюжет!
Мне ль скитаться где попало — за душою ничего!?
Я привыкла спать подольше, и работать, где легко.
Жизнь не мыслю без уюта, ресторанов дорогих,
Магазинов недешёвых, украшений золотых.
Коль не можешь обеспечить, получи развод — адью!
У меня есть на примете, нужный хахаль — он в строю!»

Помутнел рассудок парня,
Опустилась голова,
Очутился в той же яме,
Без майорского суда.

Покручинился неделю, бомжевал, завёл «дружков»,
Чуть в тюрьму не посадили, за «приятельский» подвох.
Испытал опять в достатке цену сладких, льстивых слов,
О напутствиях подумал: «может мир и впрямь таков!?»
Правит вечно злая сила, и её не сковырнёшь,
Зря связался жил ведь круто... Нет, погодь-ка!
Не возьмёшь!».

Века четвёртая (народная)

Но ты понял уж наверно!?
Наш Валера ещё *тот!*
Не ломается, не гнётся,
За мечтой вперёд идёт!

Пошагал по перелескам, по станицам, городам,
Чтоб с народом дружно слиться, воедино, как мечтал.
Верит, есть такое место, где душе покойный рай,
Где нет подлости для места, где все рады — честный край!

И на севере трудился, и по морю походил,
На востоке путь построил, паровозы там водил.
Посмотрел, как быт устроен, чем живёт народ вдали,
Поругался и поспорил, не спуская подлой лжи.

А везде, в стране огромной, разный люд его встречал,
Кто беззлобно, прямодушно, кто угрюмо вслед плевал.
Третьи просто безразлично: «ну пришёл, не лезь, живи,
День прошёл, живой, накормлен —
время с пользой провели».

Вот однажды правдолюбец, угодил в случайный град,
В доме местном притулился, до утра заночевать.
Подселили в комнатку, к постояльцу одному,
Лет шестидесяти вроде: «не узнал — так ни к чему».
Познакомились: «Никита, — тот сказал, его зовут, —
Здесь устроился, так вышло..., не по воле, выбран путь».

Слово за слово, Валера,
Распалился через край,

О делах былых открылся
И о планах невзначай.

Удивляется Никита: «ты хватил на век вперёд,
А умишка не прибавил, ищешь миф: благой чертог.
Нет заветного местечка, я страну исколесил,
Знаю быт не понаслышке, всюду уровень один.
Люди бьются денно-нощно, чтоб достойнее пожить,
Все одно, подлец найдётся, прикарманит, обдурит.
Нет управы на подлюков, все они прикрыты «там»...
Иногда за власть грызутся —
Знак *Простым*: «ваш путь к крестам».
Да и ты видал такое, сам боролся против них,
Одинаково творится, что вверху — загадит низ».

«Неужели, в самом деле, — почесал Валера лоб, —
Не отыщется на Свете, уголок, где нет трупоб?
*Ведь Господь нас равных создал, все для счастья дал, бери,
Для тебя и для соседа, всем достанется, не рви.
«Поделись и дам ответно», учит Он в писании вех.
Нет! Уверен, край найдётся! Непременно ждёт успех!»*

А сосед, меж тем, внезапно, может, нрав его раскрыв,
Признаётся в сокровенном, тоном, словно несчастлив:
«Я, покаюсь тебе честно, тоже был не из простых.
Ныне бывший... Раньше главный,
на пирушках должностных».

Замолчал, вздохнул усердно, веки медленно прикрыл
И неторопно, с укором, о судьбе былой излил.

Рассказал, когда родился, из каких пошёл кровей,
Как отец и мать крестили — крест надели у свечей.

После вырос, стал «умнее», веру в Бога растерял.
Растолкал всех и взобрался — на вершине «засиял».

Над страной стоял высоко, ровно царь — мог сделать всё...
Свитой подлой был обманут, скинут быстро и легко.

Признаётся: «всё что делал, надо было, да не так.
Думать наперво о вере и о людях, что в лаптях.
Я же взялся грады ляпать, жизни толком не считал,
На костях дворцы изладил, верил — верно приказал.
Окружил себя народом, изворотливым на лесть,
Обманул их речами, не приметил планов — «съесть».
Так, что вот, сейчас не лезу, сказки больше не ищу,
За грехи свои отвечу — тихо, мирно проживу».

«Приняв исповедь», Валера, возмущается слегка,
Хоть и сам изведал силу, государева «пинка».
«Что же делать, неужели, столь паршива наша суть!?
Коль внизу, то всё в порядке. Только власть —
не грех гульнуть!?

Чушь, не верю! Многих видел, в лагерях и на войне,
Есть мужи в стране бескрайней, только тихие оне!»

Жмёт плечами постоялец, головой едва трясёт,
Неохотно принимает, веру — будто есть чертог.
«Вероятно, есть благие, иногда встречал и я,
Но сейчас, поди не вышло время их, встать у руля».

Чуть помешкал, что-то вспомнил, головой тряхнул опять,
Веселее продолжает, мысли, в помощь, излагать:
«А, хотя, постой! Наверно, есть края, где мир иной,
И гармония в порядке, между властью и толпой».

«Загорелся» в миг Валера: «правда, что ли?! Неужель?!
Если есть, то непременно доползу, до сих земель!»

А Никита тем порядком, не спеша ответ даёт,
Парня в грёзы посвящает, верит сам, о чём плетёт:
«За морями, за долами, под ногами аккурат,
Простирается земля, где другой совсем уклад.
Нет обид, народ смеётся, человек превыше дел,
Нет печали бесполезной, царь заботливый пострел».

Поясняет, как добраться: «сам б поехал там пожить,
Да дорогу не осилить — время за грехи платить».

А мечтатель, ум пыливый, хоть сейчас рвануть готов,
До земли заветной этой, наплевав на всех врагов.

Еле утречка дождался, поклонился и вперёд,
Вёрсты тяжкие померять, вспомнить голод, боль и лёд.

Веха пятая (заграничная)

Сколько походил по Свету,
Не считал, не успевал,
Только худо было вовсе,
Но добрался, не пропал:
До искомой точки милой,
Обозначенной в лесах,
Ровно в тютельную, как было
На Никитиных устах.

Огляделся. Вроде, правда, не шумят, не прут взащей,
И тепло, и солнце светит, воздух кажется свежей.

Отдохнул у океана, кости солнышком погрел,
Размечтался на природе, что нашёл, чего хотел.

Поленился он недолго. Всё! Пора за дело вновь!
Местный люд узнать поближе, обустроить с толком кров.

Окунулся осторожно в незнакомый, мир чужой,
С ним намеренно чуть слился, изучая быт людской.
И подметил вскоре тонкость, неприглядную собой,
Непростой внутри устройством, уголочек под луной.

С виду ладно и приятно, демократия кругом,
Улыбаются, учтиво объясняют что почём.
Уважать права стремятся, учат искренней любви,
Только сами вот при этом, ценят больно уж гроши.
Коль имеешь денег много, у тебя большой почёт,
И возможностей добиться, в «равноправной» жизни, льгот.

Впрочем, надо покориться, все равно устройство тут,
Справедливее вершится, человека пуще чтут.
Ценят деньги, но народом не бросаются зазря,
Коли бедный то помогут (хоть и правда..., не всегда).

Путешествует Валера, но несчастлив всё одно,
Нет пока ему здесь места, и до счастья далеко.
Обошёл в стране немало, подрабатывал, как мог,
Пообщался вдоволь близко, через год подвёл итог.

Все по-разному твердили, и по-разному вели,
Кто-то мило улыбался, трети прочь отсель мели.
Богатеев «не понюхал», не подступишься до них.
Нищих знал, не тесно впрочем — так, трудился за троих!

Не понравилось, что корысть главный движитель идей,
За «спасибо» неохотно выручать пойдут друзей.
Оттого, закон суровый, строго собственность блюдёт,
Суд по-честному сажает, за безвинный переплёт.

В общем, как-то всё картинно, нет простого, своего!
В голове одни лишь деньги..., пусть роскошно... — ну его!

Не того искал Валера, мир без выгоды хотел,
Не увидел здесь такого, закручинился, присел.

Вроде ценят жизнь получше, солнце светит веселей,
Побогаче даже нищий, но в почёте прохиндей.
Всё продаст наживы ради, умыкнёт себе в карман,
Не гнушаясь: верой в Бога, порицаньем прихожан.

Не хочу опять обмана, не прижиться лжи в душе,
Не найти друзей по сердцу, без изъяна в голове.
Что ж, вернусь в страну родную, стану опыт сей внедрять,
Положительный раскрою, а дрянному не бывать!
Может всё-таки удастся, и построим до границ,
Край мечты моей давнишней, где лишь счастье, нет темниц!

Веха шестая (предпринимательская)

Поклонился на прощанье и айда шагать домой,
По пути соображая, как настроить мир с собой.
По дороге видел вдосыть, шёл теперь уж не спеша,
Всё надеялся: «вдруг вот он, мир искомый, без греха!»
Любовался носорогом, на слоне везли его.
Пожил с дикими в саванне, было страшно, нелегко.
Перенял у них немало, научился выживать,
Без научных достижений, без которых нам страдать.

Наконец притопал к морю,
А за морем край родной,
Хоть и бит был в нём немало —
Всё одно хочу домой!

*Видно русская натура, непоседа ещё та!
Гложет разум, подбивая: «хватить спать, идти пора!»
Но притом, магнит запрятан в сердце каждого росса,
Лишь из дома недалече, он колоть давай сердца.
Нагоняет болью скуку, ностальгию бередит,
Обещает ласку близких, сны о родине творит.*

Переплыл Валера море, окунулся в быт родной,
Без раскачки начал дело, недосуг искать покой.

Помышляет сделать долю земляков своих, скорей
Посчастливей, веселее — дать идей им посвежей.
Научить считать не праздно, с пользой графики чертить,
Где вложить и приумножить, инвестиций прихватить.

Трудно начал, всё ж, однако, чуть забрезжил капитал,
Люди тихо потянулись, хоть не лишка кто узнал!

Кто пришёл понять не могут, что за прибыль от ларька,
О рентабельности тоже, не доходит с полпинка.

Ничего, Валера стойкий, нравом добрый, не свернёт,
Про основы рынка мелет, «интенсивность в мозг кладёт».

Вскоре, *бойкие*, смекнули, загорелись их умы,
Предприятия открыли, но без ведома..., в тени.
Шьют и ладят всё на Свете, не гнушаются ничем,
Капитал солидный вырос, хоть немерено проблем.

Рассчитал стратег до точки,
Устремления благи,
Только вовсе не подумал,
О правителях страны.

Не понравилось «почтенным», независимость от них,
И богатство низших — слишком, вопреки наказам их.

Посчитали: «изобилье принесёт нам точно вред,
Пусть народ как жил убого, так и дальше жизнь ведёт.
Получают вровень деньги, кто сидит и кто «пыхтит»,
И товаров лучше меньше, чтоб умерить аппетит.
Разумеется, найдутся недовольные судьбой,
Просвещённые излишне — ну, так мало — в миг конвой!
Чем поднимутся все разом, бунт устроят на беду,
Сладкий наш устой разрушат и сошлют на Колыму».

Задрожали, написали запретительный закон
На коммерцию любую, частный бизнес, опцион.
Указали, сколько можешь, за душой иметь земли,
Ну а коли станет свыше — тут уж милый не взыщи!

Следом, взялись за допросы: «кто принёс сюда беду?»
Отыскали бузотёра и прижали вновь к ногтю:
«Поутихни со стараньем приумножить оборот.
Мы, и так нехилы вовсе и богатств невпроворот.
Простираются под нами, хватит долго на прокорм,
А излишеств — ну их к чёрту! Чем их больше, только ор:
«Надо, надо подавайте, мне ещё не достаёт!»
И не кончится, ты знаешь, жуть потребный хоровод».

Призадумался Валера: «не поспоришь, правда есть!
Чем поболе, надо боле, и конец «хочу» — невесть!
Я, подобное заметил, где недавно походил,
Бьются люди за монеты, словно дьявол их крестил.
Но не так, а всё иначе, грезил выстроить у нас
Во главу поставить сердце, ну а пузо в низший класс».

«Не упрямясь твердолобый, не дадим разрушить «храм»,
Не отступишь, снова сядешь и не выйдешь, сдохнешь там».

Пригорюнился мечтатель — больно сердце, дух благой,
За страну свою обидно — неспособность гнать рок злой.
Тихо плача, повернулся, не сказал в ответ речей,
Лишь кивнул едва заметно и пошёл отсель скорей.

Веха седьмая (венценосная)

Походил опять по Свету.
Вот однажды путь привёл,
В монастырь в лесах далёких,
Там спокойно... — в нём осел.
Разговаривает с Богом,
Просит помощи в делах,
Покаяние приносит,
Ждёт совета, в образах.

Как-то раз, уснув, на Пасху, помолившись перед сном,
Увидал во сне картину, о насущном, о больном:
Видит старца, ровно Бога (машет весело ему),
Призывает перстом чудным подойти быстрее к нему.
Побежал стремглав Валера, опасаясь, всё ж, чуток
Ведь не знает, сколь он грешен — вдруг задаст ученье впрок.
Но приблизившись, отхлынул, далеко весь Свет земной.
Стало тихо и уютно, дух спокоен — мир с собой!
И улыбка засияла, на истрёпанном лице,
Что давно уже пропала — затерялась вдалеке.

Полились слова от старца, проникают в суть его,
Бесполезные сомненья обращают в прах легко.

«Я слежу, Валера, зорко, по делам... — потом воздам...!
Много хочешь сделать верно, что не нравится врагам.
Не печалься, я доволен. Просто жизнь тебе дана,
В пору горьких испытаний: революция, война...
Выйдут вскоре испытанья, вижу я, всё больше вас!
Ну а грешники ответят за бесстыдство, лживый глас.
Поругание безвинных, кровь, поклоны сатане...
Подожду совсем немного, изменю уклад в стране.

Не беги, брось суетиться, подсобил — душе почёт.
Возвращайся в дом отцовский — чай забыл, как сад цветёт?!
Там найдёшь уют и счастье, помня странствие своё
Разберёшься, несомненно, в чём значение твоё».

Пробудился утром ранним, и почуял свет внутри,
Будто вылили обратно, злой свинец... , прижим души.
Помолился, подкрепился, испросил благá с собой,
Монастырь покинул с богом, двинул с песней заводной!

Вот дошли мы и до места, где присел он на пенёк,
Вспоминая путь ветвистый, жуть колючий... — но родной!
Повздыхал без сожаленья — «держит» накрепко завет,
О судьбе своей дальнейшей, верит прав всегда Отец.

Да и впрямь, сложилась следом, жизнь Валеры, хоть куда!
Уважение в деревне, страсть любовная, семья!
Дождалась его Варвара, нарожала пять детей,
С ним слилась душою светлой, до кончины её дней.

Стал учителем ребяток — ведь нау́чен обучать!
Повидал в избытке жизни, дельно опыт передать.

В общем, прожил интересно, вспомнить, правда, есть о чём,
Размышлял не раз ночами: «верным, шёл ли я путём?»
Сделал вывод: «вроде верно, слушал сердце, ум порой,
Чай недаром поменялись, управители страной».
Возмутился лжи бесовской наш народ, и сверг царей,
Что его бездушно гнали, с улюлюканьем, взашей.

Распахнулись двери мирно, отворив запретный мир,
Голоса запели громко выйдя на свет из квартир.
Изобилие товаров наводнило города
Уважение человеку подросло... — жаль... , не всегда!

Церкви снова зазвенели,
Возвещая дух святой,
Над Великою Россией:
Гордой, разной, дорогой!
Бог опять легко вздыхает:
«Рад. Пришлось помочь — не зря!
Рай открою для любимцев... ,
Не чудили бы лишка!»

Не забыли и Валеру, верные ученики,
Кто последовав совету, обернуться и пойти
Вместе, с каждым, крепко взявши руку твёрдую росса,
В светлый мир добра без страха, где верхи не без стыда.
И собралось их несметно — вышло так, что весь народ,
Соответственно был ясен, мной отмеченный исход.

Чтят теперь его по праву, берегут и говорят:
«Испытал за жизнь немало, указал, как свет искать.
Отдыхай в садах цветущих, но учить не забывай,
Молодых, умом незрелых, чтоб уютным был наш край.
Ну а если повстречаешь, где-то чёрную судьбу,
Изменить её пытайся, ты умеешь дать мечту!»

Улыбается Валера, не смущает цвет седой,
Глубина морщин на теле, возраст архи пожилой.
Он достиг, к чему стремился — в мыслях, оттого покой....
С Божьей помощью устроил, для себя уют земной.

И душа поёт лучисто, нет сомнений у неё,
Где окажется уж скоро — за старания его.

НЕЛЁГКИЕ УЗОРЫ

Ветер милый дует, солнце вновь взошло,
День на ночь сменился, сколько так прошло?
Мимолётно чудо, жизнь лишь миг для нас,
Крыльями махнула... — вот и Свет угас.

Обозначен чётко, «шаг-полёт тропой»,
Кем не знаешь точно — сказано: «судьбой».
Много раз стремился, обойти её,
Всё переиначить, и найти *Своё*.
Тяжело давалось, думал, победил,
«Нет,— в душе звучало, — крест ты свой тащил».
Если «плыл» смиренно, снова «глас внутри»:
Так и должно в жизни, грёзы придержи».
Вдоволь пересудов на Земле о ней,
Как она «злодейка» подбросила «камней».
Не «открыла двери», в нужные места,
Хоть трудились очень и полно ума.
А сосед смеялся, вознесясь легко,
На талант ссылался (правда, нет *его*).
Кто-то плачет горько, болен, не встаёт,
Пусть душой и чище, *тех*, кто зло несёт.
У кого-то деньги «падают с небес»,
Больше рядом нищих, ждут от Бога весть....

Возвещает «Сильный»: буду я страдать,
Но сумею сладить и судьбу поймать!
Погляжу с изнанки на её нутро,
Поищу, как злобу превратить в добро.

Пошагал. Неправда — «полетел стрелой!»,
Метки ставит лихо, верит — быть, с Мечтой!

Год прошёл, и следом два бегут — постой!
Догоняют десять, «мечутся толпой»....

Помотался славно, выбился из сил,
На пень опустился, «мысли разложил»:
«Пролетели вёрсты, жизнь изрядно знал,
Но пока туманно, след я не поймал.
Только вижу — вроде, есть в тиши намёк,
Что под силу всё же, изменять нам рок.

Испытал не праздно стужу, ночь, рассвет,
Смена их незыблема, бесконечно лет.
Солнышко кружится, и Земля идёт,
Тут судьба понятна — кончен сей урок.

Дальше: живность Божья — всякое зверьё,
Их дорога ясна, природное житьё.
День сменился — выжил! Вот и хорошо!
Сам едой не стался...! А чего ещё?!
Все примерно равны, нет войны и лжи,
И иной, неверной, зряшной суеты....

*То, не суть конечно, главный впереди
«Узел» замудрённый, «от кого — пойми?!»*

Человек придуман и судьба дана,
Может это просто, в мыслях — ерунда!?

Попытался верить, что судьба — расчёт:
Оправдать деянья: промахи и взлёт.
Нет её, а люди, словно зверь лесной,
Борются за право выжить под луной.

Но недолго вовсе, рассуждал так я,
Поглядел, несхожи, разные сердца.
Не всецело грезят о кончине дня,
И улады брюха (хоть и не всегда!)
Ратуют непросто дольше мир пытаться,
О прогрессе мыслят — людям *дар* отдать!

Есть, кто разрушает, чудные дела,
Хапают безмерно, не гнушаясь зла,
Во дворцах расселись, золото вокруг...,
А иным для счастья, хлеба бы чуть-чуть.

Инвалиды с детства, старцы не больны,
Трудяги, и лентяи, герои, и вруны....
Повидал я многих, признак есть судьбы,
Где вот только спрятаны, узорные концы!?

Если мне удастся ухватить за них,
Мир тотчас изменится, к радости живых.

Покопаюсь тщательней, изыщу ответ,
Где куётся доля, отдана навек».

И ещё десяток, лет и зим прошли,
Не летит «стрелую», ноги подвели.
Пошатнулась вера, тужит, не здоров,
Молит чаще небо, дать заветных слов:
«Нет в душе покоя, сжался, помощи,
Научи дознаться, где венец пути,
Я стараюсь ночью, днём, и в дождь, и снег...!
Поддержу заботой нищих и калек.
Если в силах наших, изменять клеймо,
Не во вред наступит, счастье для всего».

Помолившись честно, пал без сил, уснул.
Тело отдыхает, а пыливый ум,
Повстречал беседу, и ведёт её,
От границ священных, в естество его.

«Маешься ты свыше, жалко мне тебя,
Мало сил, здоровья, так и сгинешь зря.
Ищешь повороты, кто нарисовал?
Сам шагаешь ими, петли расписал....
Если честно, вдосыть, вас пытается Свет,
Не достанет время, поправлять сюжет.
Покажу, кто правит линией судьбы,
И рисует всякие, должные пути.
...Но пока не время, походи ещё,
Чтоб раскрыть воистину, надобность её».

Ничего не понял, веки приоткрыл,
Почесал затылок, дальше «попилил».
По горам, по весям, долам, городам,
Ищет неотступно, потаённый Храм.

Сколько пролетело? Сам уж мудрый стал,
Палка пригодилась, опираться взял.
Не бежит, плетётся, в том просчёта нет,
Старость — пусть неспешно..., в ней резон согрет:
Не пройдёт не глядя, обратит призор,
В мелочи, что раньше, проскочил бы он.

*Заострил вниманье, на судьбы зигзаг,
Оценил по-новому, интересный факт.*

Как-то раз..., а впрочем! Все и не раз!
Близко пообщался, с разными, дивясь

Измененьям чудным в жизни у людей.
От труда несхожего, для продленья дней.

Наблюдал сраженье подлинных вояк,
Как «ломают крылья, падают во мрак».
Восстанут из «пепла» вопреки всему,
Коли с верой бьются за будущность свою.

Например: случилась страшная беда,
Изломались кости, будто навсегда.
Оставалось с болью доживать свой век,
Так решили многие..., но! Вдруг человек,
Не поддался участи посланной с небес!
С недугом бороться взялся... и воскрес!
Претерпел мучения тела и души,
Вновь обрёл движение, солнце, мир любви.

А другой! Лишь плакал, проклинал судьбу,
Не молился даже, потерял мечту.
Доктора лечили, но не помогли,
Вскоре завершились, смертью его дни.

Повидал, кто спился, напрасно сгинув в прах,
Кто остепенился и поднялся в мах.

*В общем, происходит (как правило, всегда...),
Что угодно, точно, людям для себя!*

«Интересно! Может... Только в чём же суть,
Где судьба сокрылась? Всё туманней путь.
Ведь любой вам скажет в том и есть их рок,
Сильному — с кровати, а хилтому «пинок»».

Ладно, всё ж подметил, положил в «мешок»,
Где навита мудрость странствия в «клубок».

Походил по Свету, *час* пришёл его,
Приказал оставить....: мир подлунный — *Всё...!*

Не нашёл ответа, на вопрос благой,
Дело не свершилось грёзы дорогой.
Плакал, перед смертью, горько, выводя:
«Годы я потратил «Неведомо», ища,
Вычислить не может, здесь его никто,
Не дано несчастным, нужное добро...:
Естество исправить — путь сверстать другой
Счастье заработать, обрести покой».

С горечью на сердце, прозвучал и стих,
С ароматом злости пососшковый дых....

«Странно. Вроде мёртвый, а мысли в голове,
Как-то поспокойней стало на душе.
Не терзаюсь больше, выбором судьбы,
Что не смог дознаться, где её концы.
Нет! Хотя, неловкий, есть, штришок внутри,
Гложет, не смирился.... Что там впереди!?
Я ведь, только, лесом, здесь шагал в глуши...,
Вдруг пейзаж сменился: луг в цветах, нет тьмы,
Белые берёзы, аромат в тиши,
Солнышко сияет, ноги вновь свежи.
Точно в милом детстве, я кружу опять,
Где, за косогором, дом родной и мать».

Покрутил глазами, увидал Невесть,
Ростом с человека — разве крылья есть.
Говорит негромко, может и молчит...,
Говор его сладкий, в голове звучит:
«Здравствуй, Непоседа — пытливая душа,
Оказался ныне, в Городе Творца,
Жизнь свою земную, кончил, не беда,
Знаю, есть вопросы, в думах, нет конца».

Помолчал секунду, заглянул в глаза,
С лёгкою улыбкой, произнёс: «что ж — да-а-а...
Весь пока не стался новою стезёй,
Не даёт покоя, «узел роковой»».

Снова чуть помешкал, посмотрел ещё,
И с теплом поведал, о судьбе его:
«Ты старался, бросив радость и уют,
Сделать много выше, чем твой сущий путь.
Отыскать значенье, оградить от ляп,
Даровать уменье исправляться в лад.
Ты не слишком грешен, дух без пятен, чист,
Потому, достоин, зреть, что гложет мысль».

Сильный покорился, не дивится, ждёт,
Ровно так и должно, в голову берёт.
Понимает твёрдо — Ангел перед ним,
Не обидит точно действием дурным.
Верит, может статья и ответы даст,
На его мыканья, в поисках — как раз.

«Мудро чаешь, скоро, дам тебе просвет,
Разгоню туманы и узнаешь свет
Знаний, что доселе спрятаны от глаз,
Для порядка в целом и выбора для вас».

Прозвучало чудно мысли отгадав,
Успокоив пуще и надежду дав!

После, Ангел добрый, ближе подступил,
Ласково приобнял, весело спросил:
«Что сначала нужно? Хочешь дом узреть,
Где отныне должно, вечно тебе жить?!
Или повернёмся, погодим с жильём
И пойдём направо, встретимся лицом,
С грёзою заветной, поиском твоим,
Поглядим воочию, рядом постоим?»

Смолкнул ненадолго, прочитал «разлив
Мыслей» заискрившихся, *Сильного*, решив:
«Чую, взволновало, задрожал ты весь,
Нет покоя нужного, что повсюду здесь.
Обуздал дочиста, сколь важна тебе,
Цель Земного мига — мечется в душе!
Не купился сразу в терем свой бежать,
Где навечно в сказке будешь пребывать....
Не неволю боле, вижу, весь горишь,
Разгадать загадку, успокоить мысль».

Взял его под руку вправо потянул,
По тропинке складной, к горке подвернул.
Чуть... и возле, встали. Кругом яркий свет,
И уже не горка, а грозный Эверест.
Много света мчится, словно нити вьют,
В гору и наружу — а куда идут...?!

Постояли тихо, Ангел вход создал
Внутрь скалы огромной, мысленно позвал.
Сильный, поспешает, радость на лице,
Тонко подмечает, новое везде.

Всё в огне прелестном, стены, потолок,
Переливом стройным обрамляет свод.
Запаха неслышно, да и не поймёт,
Дышит ли вообще он...!? Или так «живёт»!?
Главное не в этом, красота потом —
Скоро отворится...! Цель поймают он!
Милую плутовку, скрытую от глаз,
За которой бегал, с сомненьями борясь!

Ангел безмятежен. Он, смиреньем схож,
Здесь уклад повыше, а волненью грош!

Прошагали малость, может и не шли,
Ног совсем не чувствует, силы приросли.
Видно в мире этом нет страданий тех,
Что у нас повсюду, цепко держат всех.

Впереди пространство, стол огромный средь,
Нити золотые сходятся тут в сеть.
Сотни *небывалых*, по краям стоят,
С десятью ручищами, что-то там корпят.
Между ними черти вертятся юлой,
По твореньям чудным, бьют хвостом, ногой.
Мигот отступают, чтобы не попасть
Под ладонь огромную — жижей не пропасть.
«Полюбуйся! Знаешь, цели ты достиг,
В сердцевину жизни, заслужил — проник.
Нет. Точнее первой, конченной в ночи,
Речь пока о прошлой, *с истой* обожди».

Сильный поклонился, не перечит, ждёт,
Да и в мыслях нету... — Ангел речь ведёт:
«Удальцы пред нами, их удел верстать
Линии сакральные — сутью облекать.

Затаись меж ними, осмотришься вокруг,
Работяг не спрашивай — видишь, недосуг.
Потолкуем позже о выводах твоих,
Расскажу подробней, чай поправлю их».

Крыльями захлопал, руку вверх поднял,
Удальцы склонились — нечисть враз унял.

Притулился *Сильный*, рядом, у стола,
Не боится, смотрит на чудные дела.

Удальцы рисуют, чинно выводя,
Пальцами узоры, из света — красота!
Поначалу схожи рисунки все, почти,
Впрочем, не до чёрточки, тождественны они.
Дальше, озабоченней, чертят не спеша,
Препятствия обводят, глядя в *никуда*!
Обозначив чётко ровные края,
Узорчик заменяют, красят новых два.
Следом, к ним десяток малюют в три ряда...
Пальцы их сияют, символом перста́.

Без труда подметил, нить первую ведут,
Усерднее, заботливей, словно главный путь.
Пожирней, по шире, глаже и ровней,
Те, что в бок отходят, разные, темней.
Да и пошершавей, вроде бы на вид,
Будто ямы, холмики портят эту нить....

Как зажжётся полностью дорога завитков,
Копытами рогатые, колотят, будь здоров!
Оставляют пятна, узорчики черня,
Выбоин ваяя немерено в края.
Многие рисунки избитые вконец,

Темнотой нисходят, под стол... , их канет след.
Главная же линия, в центр стола бежит,
Извиваясь красочно, ввысь потом летит.
Да и завиточки, не канувшие в мрак,
Тоже с ней свиваются и взлетают в такт.

Надобно отметить важную деталь,
Черти губят воровски, боковинок грань.
Удальцы мешают, но вертлявей те,
Потому, напачкано немало на столе.

А ещё заметил! Есть узорный лад,
Кой не стал темнее, от чертячих лап
Пыхнул ненадолго, сумраком ночным,
И сумел поправить, брак, огнём своим.

Подивился, *Сильный*, на священный труд.
Мысли «зашумели», выводы плетут:
«Ангел мне поведал, что я суть нашёл,
Оттого, выходит, что к судьбе пришёл!?
Значит, так верстают жизненный уклад!?
Узорчики рисуют, будущность творят.
Хоть и вижу ясно — а значенье в чём?
Множества витушек петляющих ручьём.

Почему вот эта, глаже и ровней?
А другая в горку и явно поскромней?
Черти непонятны, гадят не везде,
Пакости наводят, сугубо в стороне.
Где скромней узоры, да тернистей путь,
Там и нечисть тужится линии боднуть.
А хотя по правилам жизни на Земле,
Главный путь изгадить, надобно бы тьме»

*Думает, решает дело жизни всей,
А душа спокойна, свет сияет в ней.*

Постоял в раздумьях, мысли «погонял»,
Ангел прикоснулся, разговор начал:
«Молодец, дознался, отчасти сумел,
Разложить примерно отколе ваш удел.
Впрочем, верно мыслишь, есть и тайны масть,
Не уловишь с ходу, завитушек власть».

Сильный согласился, чувствует пробел,
Сердцем принимает суть давнишних дел.

«Не стоял ты рядом, когда Бог создал,
Жизнь Земную, разум — душу, вам отдал...
Был безмерно счастлив делом непростым,
Сам узоры первые, чувством выводил.
Расписал их светом чистым, без греха,
Одарил вас долей, благостной, без зла,
Чтоб любили, мирно жизнь текла, без волн.
Беды обходили — *после...*, райский лон.

Протекло немного времени рекой
Тихой, неглубокой, чистой и прямой.
Обратил вниманье, Боже невзначай,
Дети заскучали, лик грустен, просит: «дай».
Вспомнил, ведь старался, чад лепил с себя,
Поточней желая дух вдохнуть Царя».

Поднял Ангел брови, мельком потужил,
Крыльями похлопал, истину открыл:
«Разобрав печали, Отче, сотворил!
Переделку с пользой, на столе сложил.
То к чему настроил, разума скрижаль,

Узнавать, стремиться в неведомую даль...
Путь узорный вывел не в один цветок,
Дабы интересней сделать ваш мирок.
К главному проспекту, завитушки свил,
И притом заботливо, в разум вам вложил,
Право и умение, коли есть мечта,
Отходить от тракта, первого, тогда.
Топать неизвестной дорогой для себя,
Пробиваться, мучиться, но не просто зря!
Если всё устроится..., сыскать покой души,
Гордо дожидаться итоговой черты.
Знать, что сделал с верхом, с томностью «не плыл»,
От себя старался, грёзы покори!»

«Так выходит радость нёс Господь в тот час!?
Отчего ж страданья множатся у нас?»

«Верно рассуждаешь», Вестник услышал
Думу человечью — больше рассказал.

«Боже право сильный, и невесть когда,
Так, себе в забаву, вылепил врага.
Из кусочков разных, мерзкой темноты,
Появился на Свет облик *сатаны*.
... По задумке странной, должен был хитрец,
Службу неплохую несть для всех сердец.
Собственным примером указать на зло,
Чтоб не расслаблялись, чтили лишь добро.
Научились гадость в душу не пускать,
Отделять хорошее, обиды не считать».

Тишина настала, Ангел веки сжал
Горечь прикрывая — молитву прочитал.

Затем, тихо-тихо, ровно бы стыдись
Пояснил, что вышло из благодати сейчас.

«Вот и получилось, не учёл Отец,
Что *забава* эта, вцепится в венец
Его мысли лучшей — в светлое дитя,
Дал ей воли вволю, вышло боком. Зря!»

Снова лик спокоен, и глаза горят
Лучезарной сказкой, про судьбу твердят.
«А она такая, не взглянул ей вслед,
И уж где-то гадит, чёрнит Белый Свет.
Наловчилась махом, рисовать пути,
Для соблазнов сладких, воровать штришки.
... Поначалу, просто наблюдал Отец,
Отвергая напрочь пагубный конец.
Верил, не собьются чады — устоят
От призывов льстивых — душу сохранят.
Добегут нетрудно до заветных черт...
В Сад святой взберутся, на бессрочный век».

Повздыхал недолго, Светоч о былом,
Сильный, тоже рядом, слегка поник лицом.
Понимают верно, каждый, суть времён
Здесь она открыта, не прячется «ужом».

«Слабость — это сила, но не для того,
Кто в грехе ей сдался, а врага его,—
Раскрывает скорбно истины, Святой,
Зная окончание истории дурной, —
Не смогли соблазны люди одолеть,
Лживый покори их, грех сумел воспеть.
Нет! Не всех конечно — толика *таких*,
Да вот изловчились..., власть теперь при них.

Захватили споро, наглость обрета,
Править стали миром позабыв Творца...».

«Правда. Не попишешь, — думает *Простой*, —
Повстречал я всяких, дорогой извитой.
Впрочем, есть, кто правит людям не в ущерб,
Хоть и сложно, *Верным*, отстоять их «герб»».

«Долго не решался, Бог, признать *«таких»*,
Верил, обойдётся, лихо, беглый штрих.
Вразумлял делами, словом упреждал,
Не сходить с дороги, что нарисовал.
Не сумели дети, справиться с врагом,
Больно сладко было, жить, свой век, грехом.
Вместо покаянья, стало больше их,
Множились, грешили веру позабыв.
Брали, не гнушаясь, что им не дано,
Ближних не любили, губили заодно».

Тон понизил Ангел, голову поднял,
Волю Бога с чувством, точно передал:
«Рассердился Отче и издал указ:
Землю отворяя, ад мощу для вас.
И тропа отныне — выбор от врага,
Неизменно канет, в нечисть, навсегда!
Те, кто не покинут линию мою,
Встанут со мной рядом, в истинном Саду!»

Встрепенулся *Сильный*, уяснив слова:
«Отчего ж страдания, не ушли тогда.
Мир остался прежним — доброта и зло,
Вместе ходят всюду.... Разве, так должно?!»

Светоч слышит ропот, мягко говоря:
«Ты послушай дальше, не руби сплеча.
Да, бесспорно вдосталь и страдальцев есть,
Кто отверг соблазны, ставит выше честь....
...Разных повсеместно расплодилось вас,
Пусть и чтите всяко, Библии наказ.
Отступники от веры — страдальцы за неё,
Герои неизвестные — «почтенное» жульё.
Умные, не очень, сильные и нет,
Красивые ужасно — дурнушки с малых лет....
...Головой киваешь! Уму неясен смысл!?
Где же справедливость!? А как же Бога мысль?»

Не волнуйся даром, нет тревоги здесь,
Все покойны, счастье будет тебе днесь.

Верно, создал Боже, линии свои,
В них, страданья ваши, не писал внутри.
Нежно чаровался замыслом благим,
Подлинно старался, Свет создал цветным.
Горы, косогоры, реки и моря,
Птицы, звери, травы, шумные леса,
Солнце, дождик тёплый — всё для счастья дал!
Чудно мир устроил, грёзам потакал.

Кстати, для сравнения выскажу пример,
Может чуть похожий, сам реши — теперь.
Случаи нередки, когда муж, жена,
Балуют без меры, рождённое дитя.
А взгляни отсюда, сердцу вопреки,
Не всегда растяты, добрые сынки.
Получив в достатке, без горя и трудов,
Не поймут, что гоже трудиться в семь потов.

Оттого и уйма, шляется потом,
Бездельников без крыши, разбойников с ножом.

Ладно, случай к слову, чтобы суть понять,
Как у Бога вышло, в любви..., а брак создать.
Нет, не сплошь конечно, в разе токмо том,
Кто врагам отдался, завет отбросил вон.

... Тем и отрядилось, больно получив,
В спину «нож» коварный... — Отче справедлив!
Стал карать за дело и больней всего,
Нерадивых, злобных, завистливых «оно».
Чтобы пострадали за грехи свои,
Чад в слезах растили, маялись в ночи.

Говоришь: «неправда. Вдосыть добрых есть,
Без греха вон жили, а хворостей не счесть?»
Может. Не поспоришь, мать, отец чисты,
Но коснулось горе, за грешности родни.
Даже и не в ихнем, а будущем веку.
За на́жито нетрудно, убийства, клевету.

А ещё, покаюсь, бывает недогляд,
Черти «тропы» гадят, вечно невпопад.
Столько развелось их! — Бесятся, снуют,
Пакость намалюют и под стол бегут.
Вот, тогда, страдают, вовсе нипочём:
Без вины ребёнок, матушка с отцом.
... Помогаем, сколько в силах наших дать,
Если поправимо, отведём напасть.
Коли не исправишь, всё одно мы там,
Бедняжек не покинем — в час Судный примем к нам.

Между прочим, люди, что несут сей крест,
Здесь в большом почёте, любит их Отец».

«Почему так сделал!? Он же всемогущ!
Неужель, нисколько не жалко светлых душ?!»

«Не приемлешь!? Чую, говор твой пустой:
Отчего, Владыка, терпит зла устой?!
Так решил и будет! Навсегда и зло!
Для проверки *Суты*... — где дом *потом* её.

Что до остального — на кой отличья дал?
Так — мир намного краше, и интересней стал.
К тому же, в них подсказка, в чём скрыт судьбы успех,
Коль разгадаешь верно, «промчишься» без помех.

Вольны вы отклоняться от главного пути,
И вить узоры разные, к чему собой годны.
Под силу повернуться, меняя ход вещей,
Вдруг, прирасти талантом, иль веселить чертей.
В любом, искринка Божья — а вам её найти,
И с нею непременно, смысл жизни обрести.
Насколько преуспеешь в потугах непростых,
Зависит лишь от веры — желаний не пустых.

Кто красотой вышел, поёт как соловей,
А может и танцует — им, развлекать людей.
Могутнее — воюет, Родину блюдёт,
Порядок охраняет, семьи стережёт.
Академик чертит, свет даря, тепло,
Хлебороб устроен, накормить его.
Далее устану пояснять про всех...,
Сердцевину, вижу, понял без огрех.

Кстати, в том и дело, ежели сумел,
Отыскать занятие, как Господь хотел!
Станешь уважаем многими людьми,
А в душе не будет, муторной тоски».

Сильный «оживился», возразить хотел,
О своём подумал, вспомнил, как «пыхтел».
Да Ангел нё дал спорить, с укором поглядел,
Вернулся к словам ранним, про выбор и удел:

«Говоришь неправда? Где ж, лад в трудах, покой!?
Вон кто-то надрывается в мученьях день-деньской,
А «второй», легонько славу раздобыл,
Радуетя жизни, денег накопил?
Объяснял же раньше, первый, что без сил.
Выбрал неподвластное, не своё взвалил,
Сердце не послушал, долгу изменил,
Захотел всё сразу... ан, нет, на всё-то сил».

Глубоко вздохнулось, *Сильному*, внутри,
Покивал с досадой: «знать бы про штрихи!»
Впрочем, не до точки истину узнал
Потому неслышно, вновь вопрос задал.

«Верно подмечаешь, вдосыть от любви,
Судьбы поломали, горе-чудаки.
Не поспоришь — правда. Что ж, мы подошли,
К важному фрагменту истории Земли.

С умыслом устроил Белый Свет Господь
Из разных половинок в цело сложил плоть.
Поначалу создал лишь мужá, вточь Он,
Думал, будет счастлив, тем, что сотворён.
Но не получилось, чадо заскучал,

Был не весел часто, о своём мечтал.
Вот и постарался Боже от души,
Вылепил девицу, чудной красоты.
Следом, мýжа с дево́й меж собой смешал
И радея счастья, строго указал:
Быть отныне целым и в заботе жить
О друг дружке до смертí — помогать, любить!
Расплодить по Свету детушек родных
Им, искать, достойных с ними рядом быть!»

Помолчал недолго Вестник, о своём,
Дальше речь волшебную продолжил о былом.
«Жалко позабыли вещи слова,
Посему устроилась в мире кутерьма.
Не глядят усердно половинке в суть
Выбирают словно в магазине фрукт.
Дале выясняется узорный разноцвет,
Оттого единства мыслей, в семьях нет.

Вижу, понимаешь речь моя о чём,
Вдосталь навидался, знаешь, что почём.

Дал в достатке схожих думами, Отец
Точно хватит каждому, если *не глупец*.
Надобно чуть глубже, но и с огоньком,
Сердцем приглядеться, одарить кольцом,
Отданной навеки половинкой быть...
В любви наслаждаться, без печали жить».

«Вроде дело ясно. Просто и легко.
Жалко недопонял, при жизни я всего!».

Что ещё волнует? Грустен лик с душой.
Не печалься, нужно, с тем прожить век свой.

Главная дорога — истинна она,
Но притом, для сути вашей неполна.
Слишком уж спокойна, не даёт мечте
Огоньком творенья вспыхнуть на Земле.
И шагать ей должно, смиреньем обладать,
Чудным устремленьям, силой отказать.
Потому, бежите вы с неё стремглав,
Лишь пелёнки скинув, ноги «оседлав».
Норовите сбросить маету рутин,
И податься в поиски, «рисованных вершин».
Тот, кто остаётся — ровно проживёт,
Но с горчинкой в сердце, в мир иной уйдёт.
Пожалеет очень, вороша свой путь,
О мечтах желанных закованных во внутрь.
Про него забудут скоро на Земле,
Да и Бог, безбурно, примет — так себе.
Ну, а кто сумеют духом проторить
Новую дорогу..., людям дар открыть —
Узорчиком нетленным, в Сад выйдут всё одно
И будут здесь в фаворе, близко от Него.
Да и на планете, не забудут их,
Завитушки трудные — радость для живых.
Свежие открытья надобны душе,
Чтоб уютней досуг сделать на Земле».

Отвернулся Светоч, крыльями взмахнул
Нежным гласом, ласково, сказание замкнул:
«Всё сказал. Пойдём-ка, в дом Отца, теперь.
Рассказал я многое о мечте твоей.
Поразмыслишь проще о делах Земных,
Там дорога слаще, нет забот худых».

Сильный улыбнулся, посмотрел на стол,
Удальцам отвесил искренний поклон.

Чёртикам негрозно погрозил рукой,
Принимая пакости, как отсев святой.
Глянул на узоры, зная их конец,
В мысли окунулся и пошёл вослед.

«Значит, всё по делу, в общем, нам дано!
Лишь заметить надо и станет хорошо.
Есть изъяны — что же... Так после будет рай,
Если не испортишь, душу через край.
Вольны мы трудиться, знаки примечать,
Не поддаваться бесам, дорогу выбирать.
А, их горит немало, видел это я,
Удальцы рисуют, *путаны края*.
В них не заблудиться и не сдаться злу —
Выйдет непременно путь витой к Отцу...

Натворили люди в поисках пустых,
Ад себе создали, лукавым уступив.
А потомкам — жалко...! Выпало страдать,
Грешные забавы, плачем отмывать».

Медленно шагают, а может и плывут,
По аллеям чудным — вокруг сады цветут.
С каждой секундой разум всё светлей,
Отпускает трудно, пустоту идей.
Принимает чинно замысел Творца,
Наконец свершилось: «понял я Отца!»

Вздых в уме раздался, скинув груз Земной
Из сомнений свитый — о судьбе людской.
Просветлел глазами, обретя навек:
«Жизнь, судьба, исканья — в том и человек!
По делам воздастся, каждому сполна!
Промысел Владыки, это для добра!

Дали нам помыслить, дали выбирать,
Кем мы станем *дальше*, где же нам шагать?
Знаю теперь точно, кто виновен в зле!
То, соблазны наши, подлые в башке!
И страданья горькие, созданы из них,
Нас карают ими, наглядно для других».

«Вот твоя обитель», Ангел указал:
«Свой венец навечный, ты трудом достал.
Испытанье жизнью пробежал борясь,
Дом, в раю, чудесный, заслужил сейчас».

Сильный поклонился, чувствует покой,
Нет печалей больше, разум стал — *иной!*
Канули соблазны, будто ночь во дне,
Знает, их не будет, никогда уже.
На душе приятно, некуда спешить,
Догонять, бороться..., лишь желанье жить,
Словно в сказке доброй, без конца... совсем,
Где всегда уютно, нет злобы и проблем.

«Все сомненья в прошлом, замысел открыт,
Чудное виденье ясностью горит:
Путь судьбы угоден, дабы претерпев
Должные страдания, искушенья, гнев,
Обрести желанную грёзу — *над луной*,
Оценить воочию райский быт святой».

ГРЕШНЫЙ РАЗНОЦВЕТ

Свет в тоннеле ярче, впереди стаёт,
Я лечу и вскоре, вспыхнул небосвод
Прямо предо мною, чудной красотой,
Вижу край безвестный, будто не земной...
Сон мне снится что ли? Как так...? Подожди!
«Где я? Что со мною!? Вспомнил! Помоги!»

«*Помоги ты просишь*», голос зазвучал,
Небо отворилось, Бог вдруг рядом встал.
Сердце задрожало, ум молиться стал.
Я не удержался на колени пал.

Прикоснулся мягко, поднял Он меня,
Покачал главою, произнёс слова:
«*Натворил нелепо, грешные дела,*
Вроде жил пристойно, но испортил зря
Всё за что молился, радуя меня.
Жалко..., но случилась горькая беда.

Очень мне хотелось, чтобы век Земной,
У тебя продлился здесь, в раю, со мной.
Потому, желаю исповедь принять,
Прежде чем, возьмусь я, за грехи карать».
После слов угрюмых, пролетел тот миг,
Как одел верёвку и последний хрип.
А ещё сомненья, вера — боль пройдёт,
Но не получилось, разум не помог.
Не вступились люди, отвести беду,
Близкие добились, «жаля» суть мою.

«Понимаю Боже — верую в тебя!
Но послушай правду и реши без зла,

*Может кануть вовсе... иль гореть в аду,
В рае, точно, место отныне не найду».*
*«Излагай. Но помни, слышу мысли я,
Каждая открыта правдой для меня.
Коль подлог замечу, сразу в ад сойдёшь,
Истину расскажешь — что-нибудь найдёшь».*

Глубоко вздохнул я — страх мой дух объял,
Горько он заплакал: «рай я потерял!
Разуму поддался и теперь грущу,
Жутко не желаю вечность быть в аду.
Господи помилуй! — Сдерживал его
От стези ужасной, хоть было нелегко.
Он — совсем хороший, просто миг не тот
Под руку попался..., на иной итог».

Бог кивнул с улыбкой, мягко подтвердил:
*«Знаю, ты старался, но вместе вас крестил.
Оттого и дальше, вечно быть одним!
Жизнь свою раскройте, после всё решим».*

Господу склонились: разум, дух благой,
Начали историю о жизни непростой.

«Я родился... Впрочем..., знаешь, день, когда,
Рос в семье прекрасной, мать, отец, сестра.
Был воспитан с детства, ближнего любить,
Без толку не спорить, но и честь хранить.
Школа пролетела, шумно и легко,
Дружные ребята, грёзы о-го-го!
Верил, однозначно, что мне место есть,
На Земле бескрайней... — дашь Ты точно весть!

Повзрослев, покинул милый отчий дом,
Лихо завертелись денёчки «колесом».
Стал бродить по Свету, с волею своей,
Часто покоряясь помыслам людей.
Привелось столкнуться с новым для себя:
Злобой беспредельной, коварством хитреца.
Был, не раз обманут ушлыми людьми,
Били не однажды, за правду — наглецы.

Послужил Отчизне, тяготы сносил,
Дяденькам с лампасами дачи возводил.
Их послушал речи, «громкие» при всех,
О призывах к чести, жизни без утех.

Без толпы оставшись, «честных» не узнать,
Тащат без разбору, сладко пьют, едят.
Честью и не пахнет, учат свой послед:
*«Ценно извернуться, не себе во вред,
Чтобы не остаться в нищенстве внизу
К власти прилепляйтесь, к главному тузу».*

В общем, мне досталось! Правду искал!
Унижали часто, веру потерял
В идеал марксистский, праведность мужей,
Обещавших сказку, для простых людей.
Ну, так сам ведь знаешь, честно говорю,
Видел эту бучу: грязь и боль мою».

*«Всё почти до точки, истина в ином...,
Внемлю по порядку — поясню потом».*

«Я не вру! Поверь мне! Неспособен к лжи!
Но не в силах спорить — Господи, прости!

Отслужил. Вернулся. Начал жить как все,
Только изменился ..., каюсь — в голове.
Злости накопилось, корысть верх взяла,
Захотелось «сладкого» ощутить греха.
В жизнь дурную влился, ратуя за пир,
Пил и сквернословил, ближнего лупил...»

*Смолкнул, я. Волнуюсь.
Голову склонил,
Знаю, плохо делал,
Вдруг, Он, не простил.*

Посмотрел виновно, тих Господь, пока,
Дальше покаянно, речь веду дрожа:
Молодость вкусивши, разум поостыл,
Душу вновь услышал..., к счастью — уступил!

Стал трудиться честно, денег накопил,
Встретил «половинку», детушек родил.
Не жалел усердья, не берёт себя,
Всё достал родимым — лишь хотел добра.

На работе трудной многого достиг,
Для людей старался, на совесть, без интриг.
Заслужил доверье, славу и почёт...!
В домике уютном жёнушка поёт...!

Годы пролетели, я Тебя вознёс,
Деток поучая, для радости их грёз.
Только к сожаленью, не прошло зазря,
Моё напряженье от тяжкого труда.
Появились хвори, жизнь тусклей пошла,
Тотчас на работе, предали «друзья».

В общем, потерялся, стал скромнее жить,
Денег поубавилось — забот не охватить.

*Что ж поделаться?!
Значит, время подошло,
За грехи ответить..., эх!
Было ведь за что.*

Медленно смирился. Каюсь..., не совсем,
Боль в душе осталась, и ум ругал удел.
Не поддался, должно, проiscaм судьбы
Грезил всё о гребне достойной мне волны.
Нервничал конечно, ругался просто так,
Думал все метания, сожжёт семьи очаг.

*«Эх, судьба-злодейка»,
Проплакала гармонь!
Дровишек не хватило,
Чтоб сберечь огонь.*

Потерпела слёзно жёнушка моя
Мыканья пустые и бросила меня.
Дети уж большие, сами по себе,
В суете забыли о родном отце.
Как лелеял крошек, от невзгод берёт....
Ни к чему об этом — чувствуешь, как жжёт?!»

Бог кивнул уныло— с укором произнёс
Истину семейную, что давно привнёс:
*«Слышу я терзанья, но так скажу тебе:,
Женщина мужчине дана навек в судьбе.
Коли не сложилось, спрошу за то двоих,
Чем крепили узы, и что порвало их».*

Понял я промашку, снова задрожал,
Каясь беспрестанно, что семью сломал.
Скорбно поклонился, тихо пробубнил,
Всё ж надеясь, следом, верно поступил:
«Развелись с женою, милою моей,
Я в суде не спорил, по поводу вещей.
Отдал всё до нитки, хоть и мог забрать,
Да сердце не велело, подло поступать.

*С тем, остался «голым», без семьи, вещей...,
Худо стало вовсе, без ласковых речей.*

Потом помнишь, Боже, я ушёл в себя,
Душу открывая, только для тебя?
Ты помог, смирился с долею своей,
Оклемался малость, сердцем стал твердей».

Приумолк, стесняясь
Хвастовства в делах,
Бог меня затронул,
Радость показав.
Я воспрянул живо,
Глубоко вздохнул,
Каяться продолжил,
Сколь грехов хлебнул.

«Помолившись искренне, образам святым,
Вновь сумел заняться делом непростым.

Взял кредит немалый, под процент большой,
Бизнесом занялся связанным с рудой.
Пусть болел я часто, но не отступал,
Вёл его по чести, год почти не спал,

К цели вожделенной через боль шагал,
С помощью Твоею, достиг, о чём мечтал!

«Заблестела» прибыль, махоньким лучом,
Дух мой возродился бравым молодцом.
Ум пред ним хвалился ловкостью своей,
Грезилось о жизни: полной... — веселей!

Только не случилось добрая мечта,
Налетели «коршуны» проверить как дела.
Накопали «кóгтями» всякой ерунды,
Требовали в «клювик», послаще дать «еды».

Воевал с «нечистыми», но не устоял,
Бизнес отобрали, в суд опять попал.
Осудили скоро, год провёл в тюрьме,
Вышел по амнистии, больным уже вообще.

Плохо было очень, но притом был рад
Жизни на свободе, без каменных оград.
Наслаждался, просто, возможности ходить,
А не киснуть в камере, будто бы бандит.

В остальном замкнулся, никуда не лез,
К церкви причастился. ждал твоих словес.
Думал: «тихо-мирно доживу свой век»,
Нет, не получилось, деньги взяли верх.

Банки отыскали, долг в пять раз возрос,
Требовали, били, я им всё отнёс.

Растерялся, плакал и не знал, как быть,
Лишь в душе надеясь, Ты устроишь быт.
Прозябал по Свету, милостыней жил,

О кончине скорой — каюсь, я молил.
Претерпел побои, униженья, страх,
В голове вертелось: «буду я в Садах!»

Может так и вышло, да только не судьба!
Ноги отказали и правая рука.
Прихожане церкви, где стоял с сумой
Доставили в больницу на временный постой.

Полечили ноженьки, руку потрясли,
Выписали быстро: «ползи куда хоти».
Объяснили: «вряд ли сможешь вновь ходить,
Дальше боли адские станут пуще ныть.
Впрочем, не надейся, сразу не померёшь,
Проживёшь долгонько, кровушки попьёшь!»
Помутнел мой разум, «прокрутил» летá,
Понял, нет подмоги — в будущем тоска.
Бесполезна в мире глупая судьба,
Коль меня не будет, это не беда.
Пробурчит прохожий: «подыхай бомжá
Чище будет воздух, не жалко дурака».

К слову, сомневался, я, ползя к петле,
Но твой глас не слышал, дьявол жил во мне.
Так и совершилось, сдался глупо я,
Боли испугался, немощи, плевка.
Посчитал неверно... — чашу всю допил,
И пора мне сдохнуть, жить уж выше сил».

*Замолчал, закончив
Исповедь свою,
В голове молитва:
Бог, прости вину!*

Боже не гневится! Кажется, не зол.
Ярко загорелся чудесный ореол.
Осенил знаменьем телеса мои,
Чутьочку помешкал, учит от души

*«Обсказал достойно, не приврал заслуг,
Испытал немало: горе, боль, недуг....*

*Мир устроен сложно, кажется для вас,
Плачете, смеётесь, каждый, в разный час.
Суетитесь тоже вроде о своём,
И в молитвах, будто плач не об одном.*

*Ныне всё открыто нечего скрывать,
Разложу воистину — не сложно мир понять.*

*Библия подсказка — бытие святых
Для примера писано, о правилах земных.
Если понимаешь, речь, о чём моя,
Значит, разобрался, что главное всегда».*

Нет. Прости, не понял, — всколыхнулся я, —
Укажи подробней, в чём же смысл житья?

*«Говорил, молился? Слышал я тебя.
А вопрос пытаешь, глупый для меня.
Что, главнее духа может быть у вас!?
Он вершитель судеб — да и здесь указ!
Цвет его покажет, где вам вечность быть,
Как и с кем, бессрочно время проводить.
Отражает подлинно мысли и дела,
Лакмусом меняется в разные цвета».*

Вновь ответ не понял, голову склонил,
Хоть «до пят» боялся, но переспросил:
Не гневися Боже, глуп я, невдомёк.
Говоришь про душу... — а там другой мирок!?
Правят им бездушные, ловкие дельцы,
Воры, казнокрады, прочие цари».

Улыбнулся Отче, весело вздохнул,
Пред ответом важным, зычно хохотнул:
*«Говоришь, воруют, тащат для себя!?
Что ж, пойдём, посмотрим, где они, «князья!»*

*Видишь нерадивцев в адовом огне,
Жарятся навечно в чёртовом котле.
Все они умельцы обмануть, убить,
Душу так счернили, вовсе не отмыть.
Различи! Не там ли бывшие «друзья»?
По делам паскудным — варятся, вопя».*
Твердь внизу разверзлась, чёрный дым кружит.
Пламя ещё выше и ор людской шумит.
На кострах повсюду, жарятся котлы,
В них вода кипучая, гонит пузыри.
Головы и руки из воды торчат,
О прощенье Господа без умолку молят.
Рядом черти пляшут, нравиться им ор
Дров, смеясь, кидают в адовый костёр.

Испугался крепко, я, представив вдруг,
Что теперь мне тоже, готов котёл для мук.
Плача дух проямлил: «Господи прости, —
Ум его дополнил, — за прошлые грехи».

Страх уняв немного, глянул на бедняг
Различил знакомых — на себя «трудяг».

«Некоторых помню, тот вон был «крутой»,
Заправила банком, скрывшийся с казной.
Много пострадало честных от него,
А он жил под пальмами, «в сказке», далеко.
И вон тот знакомый — бизнес мой забрал,
С ним бесследно канул, без вести пропал».

*«Видишь, всё воздастся, коли наследил.
Не по вере свыше, жизнь свою прожил!»*

«Кстати, Боже сильный, может я не прав?
Не ругайся слишком, не чини расправ.
Но среди терзаемых не застал воров,
С красными лампасами, подленьких отцов».

*«Обещал открыться, почему почти
Прав ты оказался, в армейские деньки?
Расскажу. Послушай. Ныне мир без тайн,
Преступил отныне, вход в заветный край!»*

*Так вот есть такие, кто грехи нажил,
В возрасте почтенном, раньше щедрым слыл.
Да к тому ж, подвигла к корысти, любовь,
Рабски угождая прихотям «птенцов».
Потерялись в вере, веруя в меня,
Посчитав главнее кровное дитя.
Мучились воруя — голову кланя,
В церкви, у распятия каюсь у Христа.
Их душа лишь в пятнах, черных, не сплошных,
Потому не корчатся, но и рай без них».*

Ум мой возмутился, «вспенившей волной»,
Господа нечаянно перебил — дурной:

«Что ж выходит, просто... дельно свечки жечь!?
И придёт прощение за глумленья, желчь!?»

*«Погоди. Дослушай. Напрасно не шуми,
Есть дела такие, не смоешь, сколь не три.
Например, убийства: ради барахла,
Или удовольствия, чумного для себя.
За грехи такие, хоть молись вовек,
Не придёт прощенье, сгинет человек.
Ну а коли вышел смертный грех — не зря!
То посмотрим позже, где его стезя.»*

*И иные вольности, запретам вопреки,
Будут здесь оценены, по цветности души.*

*А ещё раскрою, что таких, в раю
Не найдёшь ты сразу, чистят их в аду.
Но без приговора, лишь следя слегка.,
Узнаём поближе помыслы, дела.
Испытанья строим, соблазняем ум,
Подаём и смотрим: праведность их дум.
Кто стоит скалою, ловушки претерпев.,
В Сад перенаправим под сень святых дерёв.
Прочие отступники, вкусившие запрет,
В адских истязаниях, проведут сто лет.
После, повториться, если вновь падут,
То навеки вечные, в небытие уйдут».*

«Как уйдут!? Не понял!? — изумился я.
Тут же встрепенулся, вспомнив про себя, —
Значит верно мыслил и молил тебя,
Чтобы безвозвратно стёр за грех меня!?»
Бог вздохнул уныло, головой кивнул,
Тайну, не открытую в завете, отомкнул:

*«Да, бесследно сгинет смутная душа,
В рай ей ход заказан, но и в ад нельзя.
Грех её случаен, чернота мала,
Посему не стоит, мученья — навсегда».*

Многое услышав, я повеселел,
Разум горевавший, надеждой загорел,
Дух зашевелился, плакать перестал
В голос загалдели: «я истину узнал!
Главная задача, жизни на Земле,
Не в деньгах и славе, брэнной суете.
Рай! Вот это важно! Путь к нему непрост!
Надо постараться, построить крепкий мост.
Не кичиться славой, лишнего не брать,
Заповеди Божьи, строго соблюдать!»

*«Верно, разобрался. Жаль что не вчера....
Вечность бесподобна была бы для тебя.
Чуть бы поборолся — дух послушал свой
Встретил здесь тебя бы доброй похвалой.»*

*Вот и получается — сколько вас таких?!
Повидавших горя, недугов, интриг,
Веру не оставивших..., но притом слегка,
С дороги сущей сбились, дошли с тем до греха.
Как прикажешь с вами законно поступить?
Ведь досталось до сыта горюшка испить!»*

*Если слушать чувства... — быть бы вам в раю...,
Жалко мне вас очень — не выдержать мольбу.
Оттого придумал разноцвет души,
Дабы без ошибки судить вас за грехи».*

Слушаю и каюсь, что не дотерпел,
В голове нечаянно вопрос дрянной созрел:
«Боже я виновен, но ведь, нет... — кажись,
Кто совсем безгрешен, столько пережив?»

Бог взглянул сердито, затрясло меня,
Наказал испугом за глупые слова.
Голос свой повысил, ветер поднялся,
Взялся объяснять мне, о жизни без греха:
*«Многие страдальцы душу подчернив,
Заблудились сами от забот пустых.
Проглядели сущее, мимо пронеслись,
«Шелухи» никчёмной в мозгах понабрались.
Говоришь, затрусил немощи своей?!
Что семья забыла, хоть палил свечей?!
Что судили не за что, правду не нашёл?!
Всё добро забрали — я не низошёл?!»*

Я дрожу, но голос из меня идёт,
Сам собой трезвонит, о чём мысль «поёт»:
«Точно! Так и было, я терпеть не мог,
Свет надежды канул — боль не превозмог!
Не грешил, старался ближнего любить,
Ты же всё уж знаешь, волен суд чинить!»

Тон понизил Отче и рукой махнул,
Злиться не намерен — «отошёл», вздохнул.

*«Слушай. Нет, погода-ка! Лучше посмотри,
Спустимся на Землю, глянем изнутри.
Прокручу я мельком судьбы, чьи хочу.
Их примером, может, спор наш разрешу».*

Опустились низко, впереди село,
Пашет парень землю, на совесть — нелегко.
Целый день потеет, редко отдохнёт,
Безотрывно дело сложное ведёт.

Отпахал до ночи и домой айда,
Нет, чтоб спать улечься, некогда пока.
Накормил бурёнку, щи себе сварил,
В баню из колодца водицы наносил.
Дров принёс охапку, затопил котёл,
Сам пока до хаты, стирку там развёл.
Постирал руками рубаху и штаны
(армейские «подарки» каптёра-старшины).
Полил в огороде, сорняки убрал,
Огурцы, томаты бережно собрал.
Банька истопилась, кости в ней размял,
Веником душистым, хвори выгонял.
Затем в дом вернулся, наконец поел.
В полночь спать улёгся, в пять уж вновь у дел.
Покормил скотину, выгнал на пастьбу,
Разогрел на плитке, вчерашнюю еду.
Помолился Богу, завтрак мигом съел,
На полё выехал, сил там не жалел.

Безотдышно, лето жаркое прошло,
Ни тебе ни театров, танцев и кино.
Получать же деньги, когда срок настал,
Выдали копейки, лишь бы не пропал.
Парень и рукастый, умный, всё при нём,
Только очень добрый, безотказный он.
Пользуются люди, хитро, без стыда
Наивностью сельчанина — полнят закрома.

Вскоре прилепилась, гуляющая мамзель,
Вдоволь навертевшись, дельно «сесть на мель».
Замуж ей приспичило — спрятаться в тылу,
Чтоб молва затихла про мерзкую гульбу.
Окрутила парня, «вправила мозги»,
Он поверил искренне, что нет родней души.
Поженились осенью, любил её, берёт
Угодить старался, лелеял как цветок.
А она негодная, стерва ещё та!
Принялась бессовестно за старые дела.
Он прощал, мирился, дом построил, быт,
Дети появились, совсем не до обид.
Вкалывал без отдыха, а жена, всё: «дай!
Мало ты работаешь, бестолочь, лентяй.
Вон соседка в шубке новой щеголят
А я ношу обноски, три месяца подряд».
И детей учила: «ваш отец «отстой»
Уважать не стоит, он дурак простой».

Парень не ругался, всё переносил,
Барахла для милых уйму накопил.
Поседел уж в тридцать, молча горевал...,
Но семью родную верно охранял.
Кадром пролетело длинное кино,
В концовке оказалось печальное оно.

Годы напряженья дали «урожай»,
Испекли болезней горький каравай.
Слѣг удалый парень — сказали навсегда.
Жѣнушка недолго, возле побыла,
Отписала домик за взятки на себя.
«Милого» спровадила в деревню, за леса,
В халупе перекошенной, бросив без стыда,
Зажила по старому — в том видно ей судьба!

Парень плакал сильно, сетовал на жизнь,
Всѣ не верил в подлость, звал: «жена вернись!»
Дальше бы сломаться, но не вышло с ним.
Молился и не сдался желаньям роковым.
Дотерпел до смерти истинной, простой,
С белой душою, вознёся в Сад святой.

И ещё историй, с разными людьми,
Промелькнуло быстро, о крепости души.
Оказалось вдоволь народа на Земле
Пострадавших боле..., но праведней в уме.

Бог махнул ладонью, кончилось кино,
Видит что я плачу, спросил: *«ревѣшь почто?»*
Разве не воочию спор нас разрешил?
Вроде, смысл доступно сюжетом объяснил».

«Всѣ прозрачно Отче, дал нам жизнь терпеть,
Только не прогневишь, что же ты Отец!?
Не вмешался, видел, как страдают, те,
Кто рассудком светел и душа не в тьме.
Подсобить ведь можешь, всё в твоих руках,
Злу воздать не лишне, укротить в делах».
Усмехнулся Боже — плач тотчас пропал
(до сих пор мечтаю, чтоб Он оправдал).

*«Твой вопрос наивен, пережившим смерть,
Им теперь понятна Земная круговерть.
И тебе не стоит жалобить судьбу,
Всѣ имел, но слишком тратил в пустоту!
Вспомни о приятелях, сколько раз тебе
Мелочи бросались, мельком в голове.
Раскрывали хитрости, подлости в частях,
Ты ж упрямо вѣлся лести в их речах.*

*Засим и поплатился — так ведь поделом!
Меньше бы гордился дружбой с «сорняком».
И с семьёй промашка не случилась бы,
Коль послушал сердце, а не амбиции свои.
Меньше бы ругался, проклинал судьбу,
Не винил в проблемах милую жену.
Да и про здоровье посылал звонок:
Наглядно семафорил: «умерь-ка пыл, дружок».
Приводил примеры тяжкого труда,
Намекал об отдыхе, хотя бы иногда.*

*Иль скажи по чести, не было того!?
Маленьких подсказок для счастья твоего!?!»*

*Мигом пролетели, долгие года,
В голове картинкой, подтвердив слова.
Впрочем, не оставил разум мой плутать,
Для себя поблажек, на Суде искать.*

*«Каюсь. Не поспоришь. Проморгал значки;
Но нельзя ли что ли, стукнуть от души!?
Чтобы расхотелось, делать ерунду,
И в конце не плакать, проклинать судьбу».*

*Бог развёл руками, заглянул в глаза,
После улыбнулся, искренне, без зла.
Посмотрел на солнце, ветерок поднял,
Облака игриво в небе погонял.
Опустил на море, задорный лёгкий бриз,
Белые барашки послал в морской круиз.
По горам промчался, шелестом листвы,
На лугах волнистых покачал цветы.
Запах их душистый разнёс во все края,
Пёрышки погладил красавца журавля.*

*«Мир придумал ладно, дал вам свет и кров.
Ум нацелил бойкий на поиски даров.
Жизнь устроил, дабы даром не прошла,
Радовались много, грустили иногда...
Вместе с тем, для счастья, принцип важный есть,
В книге первородной, посланной с небес.
В ней заботы главные ясно расписал,
Буквами звучащими, путь в мой Сад, сказал!*

*Не забыл про чтение? Быт Земной лишь миг,
Выбор ваш свободный, где вам вечно жить.
Потому не шибко вмешиваюсь я,
В ваши суетливые, разные дела.
В основном, намёком в чём-то подсказать,
Разве, в крайнем случае: помочь и наказать.
В остальном, укажет, на честность ваших дней
Цвет души заветной — нет суда верней!*

*В рае места много — без края дивный мир!
Селись и наслаждайся, коль духом богатырь!
Однако, я раскрою: Сад чудный тем цветёт,
Что души в нём безгрешные — от злости он умрёт».*

*«Так выходит поздно, мне тебя молить!?
Сам ложусь на плаху, руби, где должен быть!
Бросай в котёл кипящий, на пиршество чертей,
Пускай они помогут мой дух, чтоб стал белей!»*

*Голову склонил я,
Жду конец суда,
Разум, дух рыдают,
Страшит их ад — всегда...!*

Зашумело море, волны поднялись,
Белые барашки, исчезли в пене брызг.
Солнце закатилось, за поникший луг,
Облака пушистые нависли тучей вдруг.
Горы опустели, каменной тоской
И журавль красавец потерял покой.
Закричал истошно, будто смерть пришла,
Крыльями захлопал, чует здесь беда.

Хмур и лик Владыки, а в глазах печаль,
Приговор выносит — видно..., очень жаль.

Я уже не плачу, смиренно вдаль смотрю,
Мыслями лишь каюсь, о Земле грущу.

Вдруг затихла буря, солнце вновь взошло,
Облака, журавлик в небе высоко
Весело гоняются, мир расцвёл за миг,
Боже улыбается..., хоть чуток грустит.

*«Испытаешь вдоволь, но прощенье есть,
Коли сможешь: боль, соблазны, леть.
Может, сгинешь вечно, может, в рай войдёшь,
Шанс тебе даётся — дух светел..., жаль не весь!»*

*Горестно судить мне... — быть тебе в раю
Дотерпи краюху — принял бы в семью.
Но нарушить заповедь смертного греха,
Означает, гибель рая навсегда.
Посему терзаться за грешный разноцвет,
Предстоит для пользы сто ужасных лет.
Выдержишь соблазны, переборешь грех,
Будем снова вместе — точно уж, навек!»*

*Разум мой «запрыгал», дух легко вздохнул,
Свет надежды ярко, в сердце полыхнул:
Всепоощеньем Божьим; вознесеньем в Сад
На житьё безгрешное, без возврата в Ад.*

*Отче, с сожаленьем мысли прочитал,
Крест над мною, с речью, трижды начертал:
«Разговор сегодняшний канет в никуда —
Испытаем подлинно, где судьба твоя».*

Литературно-художественное издание

16+

Заболотных Николай Петрович

ПУТАНЫ КРАЯ

ПОЭМЫ

Корректор: *Ольга Шепитько*

Верстальщик: *Федосья Абакумова*

Обложка: *Алиса Дьяченко*

E-mail: mail@izdat-kniga.ru; Сайт: www.soyuz-pisatelei.ru
Оптовое-розничная сеть #КНИГА: www.knigi-market.ru

Подписано в печать 22.03.2018. Формат А5.

Бумага офсетная. Тираж 100. Заказ № 259.

Гарнитура «Times New Roman».

Издательство «Союз писателей»

654063, г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30, корп. 4.

тел. 8-913-429-2503, 8-800-301-2620, 8 (3843) 32-80-81

Отпечатано в типографии издательства «Союз писателей».

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателей запрещается